ис Корсуня града в резанскую землю", с датой 1633 год и именем Никиты Анненкова резанца в послесловии. Особая редакция. *АН.*

12. Список Рукоп. отд. БАН СССР из того же сборника, что и *АН*; на лл. 196 об. — 198 — „Повѣсть о чюдотворном образѣ великаго чюдотворца Николы". Проложная редакция. *Прл.*

Если добавить, в качестве самостоятельной редакции, текст Повести, читающийся в „Русском Временнике", — „хронографическую" (*Хрн*), то общее число редакций пока намечается восемь.

Наиболее полно содержание Повести представлено в компилятивной редакции. Здесь повествование открывается датой — 6733, т. е. 1225 год, и перечнем княживших тогда во Владимире, Новгороде и Рязани князей. В этом году был перенесен „из преименитого града Корсуня в пределы Рязанские" чудотворный Николин образ. Сообщению о перенесении предшествует ряд более древних известий об иконе, относящихся еще к пребыванию ее в Корсуни: Николин образ стоял там, оказывается, в „чюдотворном храме" „посреди торгу и града", рядом, с одной стороны, с церковью апостола Иакова, в которой некогда крестился Владимир Святославич, а с другой стороны, „с полатой красной сзади олтаря", „идѣ же цари гречестіи весельшася", Василий и Константин, выдавшие за князя Владимира „сестру свою Анну царевну", убедившую своего жениха креститься. Кроме совершения самого обряда яко бы „епископом Анастасием Корсунским", упоминается еще об исцелении новокрещенного от внезапно поразившей его слепоты. Только после такого экскурса в область житийных вариантов Корсунской легенды, рассказ возвращается к своей главной теме: за год до „прихода на Рязань" Николина образа „явился служителю своему, Евстафию именем, в привидиніи" Никола с предписанием взять чудотворный образ, супругу свою Феодосию и сына своего Евстафия и итти из Корсуня в землю Рязанскую: „тамо хощу быти и чюдеса творити и мѣсто прославити". Пробудившийся „от таковаго видѣнія" Евстафий „нача ужасатися"; во вторую ночь видение повторилось; Евстафий „в больший страх вниде" и стал размышлять, „камо" велит ему итти чудотворец: „аз и земли Рязанскія не слышах, не вѣм бо та земля яко на восток, или на запад, или на югъ, или на север". Еще настойчивее, „утыкая в ребра" — понуждает Евстафия чудотворец в третью ночь, веля при этом итти на восток и обещая, что сам его „допровадит". Евстафий все еще, однако, колеблется, „како оставити предивнаго града Корсуня", пока его тоже не поражает слепота и „болезнь главная". Поняв, что он наказан за ослушание, Евстафий вымаливает себе у Николы прощение, прозревает и решается, уже не колеблясь, „доити до уреченнаго мѣста резанския земли". Но, зная о ней пока только то, что она — на востоке, Евстафий думает „итти чрез землю поганых половец". Однако, опять явившись ему во сне, Никола делает новое предсказание: „не полезно ти есть чрез землю поганых половец ити, подобает ти ити во устье Днѣпрское. И сяди в корабль и доиди в море Варяжское в нѣмецкия области. И оттуду поиди сухим путем до великого Новаграда и до Рязанския земли дойдеши не возбранно, но и честь велию пріимеши". Взяв чудотворный образ, жену, сына и „единого от клирик", отрекшись „преименитаго града Корсуня" и „всего имения своего", Евстафий пускается в путь: доходит до устья Днепра „Понтейским морем, еже словет море Русское", садится в корабль „и поиде в море Варяжское и прииде в нѣмецкую землю во град Кесь". Пробыв там „мало дней", Евстафий идет оттуда „сухим путем чрез нѣмецкую область"; чудотворец же Никола „нача путем великие чюдеса творити". Так они доходят до Новгорода, где остаются „многа дни" и где тоже